

Рубрику ведут
Татьяна Глуховская и
Сергей Хоршев-Ольховский

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА «АРИА»

Международный Союз литераторов и журналистов

АЛЕКСАНДР КАНЕВСКИЙ писал для легендарного дуэта Тарапуньки и Штепселя (Ю.Тимошенко и Е.Березина), с последним был в родстве, его дочь стала женой младшего брата Леонида Каневского (майор Томин из культового сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи»), для передач «Кабачок 13 стульев», «Вокруг смеха». Пьесы шли в театрах СССР и др. странах. Руководит Международным центром юмора, включён в энциклопедию российского юмора. Член «АРИА». Лауреат премий «Алеко», Юрия Нагибина, золотой медали им. Франца Кафки и многих других наград.

немного повозился и произнёс:
– Усё.

Иосик на цыпочках подошёл к машине, притронулся к дверце – раздался злобный лай. Все восхищённо зааплодировали.

– Наконец, я смогу спать спокойно, – с облегчением произнёс Юра и пошёл за деньгами.

Но очень скоро он понял, что жестоко ошибся: машина лаяла без перерыва. Устройство оказалось настолько чутким, что реагировало даже на упавший с дерева лист, на прикосновение дождевых капель, на порыв ветра. Более того, оно срабатывало даже на приближение людей, на любом расстоянии – очевидно, в неё была вмонтирована радарная установка.

К утру машина совсем рассобачилась: облаивала кошек и прохожих, и только при виде Юры, прекращала лай и радостно виляла багажником. Да и ездить на ней стало невозможно: у каждого столба она останавливалась и старалась застрять заднее колесо.

Юра привёл двух автомехаников, чтобы изъять сигнализацию. Но Бебс не солгал, лающее устройство было здорово засекречено: автомеханики полдня перебирали

весь двигатель и ничего не нашли. Но, очевидно, что-то сдвинули в сигнальном устройстве, потому что после их ухода машина стала по ночам ещё и выть на луну.

Однажды Юра не нашёл свою машину. Выяснилось, что под утро будочники её куда-то увезли вместе с бродячими собаками. Юра, схватив такси, объехал все ветеринарные службы города и только к вечеру, в стае бездомных бродяг, разыскал свою «Ладу», которая увидев его, завизжала от радости и напустила лужу бензина.

И снова каждую ночь машина беспрерывно лаяла под окнами. У неё резко изменился характер, она стала злобной и агрессивной, с рычанием кидалась на всех прохожих. Но особенно яростно набрасывалась на инспекторов ГИБДД, которые при её приближении в панике разбегались. А кто не успел – поспешно просовывали Юре в окно любые деньги, только бы он поскорей уезжал. Тогда Юра стал специально гоняться за инспекторами, и с нового года у него появился постоянный заработок.

Вот что значит великий изобретатель!

ВЕЛИКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Несмотря на заборчик, которым Юра обнёс свою «Ладу», однажды ночью под Новый год её всё равно угнали. Милиция нашла машину через двое суток, помятой и ободранной.

– Нужна сигнализация, – авторитетно заявил Иосик. – Но не обычная, а по спецзаказу, чтобы ни один ворюга не отключил!

Вечером он привёл человека в широкополой шляпе, чёрных очках и белых перчатках.

– Это Бебс, изобретатель международного класса из Талды-Кургана. В Москве проездом. Недавно запатентовал свою последнюю новинку: лающее реле.

– Какое? – удивлённо переспросил Юра.

– Лающее. Стоит притронуться к кузову, раздаётся лай. Вор, уверенный, что там собака, в панике убегает. Причём, Бебс гарантирует, что никто никогда не сможет это устройство отключить: есть патент и не засекреченность.

Молчаливый Бебс жестом попросил всех отойти в сторону, нырнул под крышку капота,

Коктебель

Елене Васильевой

«Тех не отпустит Коктебель,
Кто раз вкусил тоски полынной...»
Зачем теперь твержу тебе:
Мы не увидим больше Крыма!
А помнишь тот полдневный жар
И придорожный куст крушины,
И Старый Крым был также стар,
А мы к Волошину спешили.
Но берег крут, тропа узка –
Мы опоздали, ах, как грустно!
Нам не хватило полвитка
До Коктебеля дотянуться.
Мы спасовали, как всегда:
«Еще не вечер, в самом деле,
Когда-нибудь...» Нет, никогда
Мы не увидим крымский берег.
Киммерия – как колыбель
Без нас, детей своих, пустынна.
«Тех не отпустит Коктебель,
Кто раз вкусил тоски полынной».

Всесущий Бог, скажи, зачем ты создал Еву?
Ведь спал же я в невежестве, как бог...
Я мог идти направо и налево,
Не выбирая правильных дорог.
Теперь мой путь зависит от прохожей –
Любая же... влечет услугою земной.
Ни дня без яблока! А на душе тревожно –
Как оправдаться мне перед женой?!
Ведь не простит, потребует отчета
За каждый взгляд, за каждый ложный шаг...
А сон короток, завтра вновь работа,
И от зарплаты нету ни шиша.

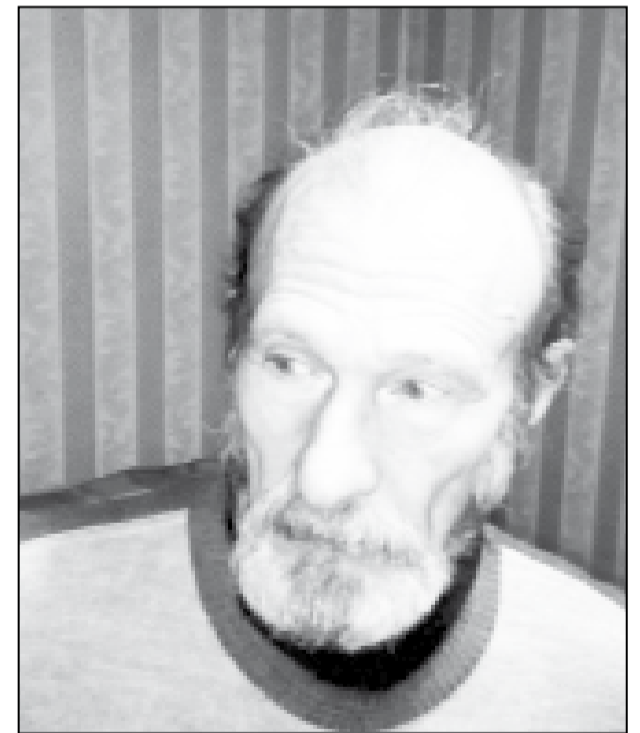
Киммерийская школа поэтов –
В южном море седой островок.
Аварийно-засушливым летом
Я принес тебе несколько строк.
Под скалою, в крамольных куцах
Акварельная хрупкость дня,
Нет ни плачущих, ни орущих
В бестолковых очередях.
Типография – на брусчатке...

Слышу шелест тяжелых листов –
Волны сами берут и печатают
Мою первую книжку стихов.
А теперь этот остров расколот,
Поделили песок и покой...
Не доплыть мне до этой школы...
Или врезаться в камень башкой?!

Метался и бредил... Строка за строкой...
Уродина, вредина, как ты далеко!
Над морем Охотским – туман голубой
И вечер короткий, как встречи с тобой.
В каюту старпома упала луна,
Страницы альбома листает волна.
Мне плохо... Я бредил: «туман - зверобой»...
Пил водку и бренди, и бредил тобой.

Послание «Другу-литератору»

Не по сердцу все это мне, не по уму –
Какими интригами нас разнесло, разбросало?
И кто из нас более слеп, не пойму,
Не за Истину бьемся, за пьедесталы!
Обидно, понимаешь ли, стоять на ветру,
В «нацмень» записанным, почти что в калек.
Был у нас общий домик в сосновом бору,
И ты был таким же как я, Человеком!
Латышский язык в «эсесэре» всегда берегли,
Даже в самые грязные годы разлуки...
Не западный ль дух весенней пурги
Мешает услышать (унюхать) русские муки?!
Переведи меня, брат мой по ремеслу,
Безлошадный латыш, то есть пахарь!
Или русский язык стал не по нутру?
Милее голос заморской птахи!
Тебя я переводил десятилетия подряд,
Чтоб ты Ленинской премией бюджет свой заштопал.
А теперь нам нечем прикрыть свой зад, –
Мы оба навинчены пробкой в штопор.
Время: пора собирать черепки,
Мы же с тобой не совсем охренели.
Короче, Пиит, отряхнись от мирской шелухи,
И вспомни, из какой мы вышли «Шинели»?!
Если из сталинской – это еще полбеда,
Хуже, если из Иудиного покрывала!..
Лучше: из Гоголя, Гофмана или Амангельды,
Во имя Любви и духовного Капитала.

ЯКОВ БЕРГ родился на Днепропетровщине, однако всё детство прошло в Крыму. С 1949 по 1957 г. жил и учился в г. Самарканде. В 1961 г. закончил Высшее военно-морское училище имени Фрунзе в Ленинграде – ныне это Военно-Морской институт имени Петра Великого, Санкт-Петербург. Прослужил 25 лет в Военно-Морском Флоте СССР. В 1971 г. закончил Латвийский госуниверситет по специальности журналистика. Ныне проживает в Риге. За годы творческой работы в литературе и журналистике написал сборник стихов «Безвременье» (издан в 1991 г.), роман «Теперь, когда вечность уже на пороге» (в альманахе «Светоч», 1989 г.) и документально-биографическую повесть «Пока бьется сердце» (Рига, 1993 г.). Публиковался также в различных газетах, журналах, альманахах, сборниках. Член «АРИА».